

российская, обезлюдела и вымирает. Не слышно на улицах задорных молодежных песен, народной музыки, обезлюдели дома культуры, угас комсомол.

Приходят в упадок коллективные хозяйства, совхозы, сокращаются общественные стада, разрушаются фермы, водонапорные башни, электрифицированные тока и другие общественные постройки, стареет и изнашивается техника. В лежащих на боку колхозах и совхозах обогащается аграрная верхушка, осуществляет первоначальное накопление капитала, в то время как основная масса тружеников и престарелых пенсионеров нищает. Нет сегодня той печати, того селькоровского актива, того общественного контроля, который бы выразил протест против постепенного процесса капитализации. Наоборот, на страницах газет больше призывов пустить в распродажу, в том числе иностранным собственникам, и землю, политую кровью и потом наших отцов и дедов. «Демократы» ждут нового помещика.

УДК 323.28 (476) (47+57)

В.Е. Козляков, профессор

ИЗ ИСТОРИИ ТЕРРОРИЗМА В БЕЛАРУСИ И РОССИИ (80-Е ГОДЫ XIX – НАЧАЛО XX В.)

In this article the author is considering some important method aspects of the terrorism and showing unknown moments of its history in the Belarus and Russia.

Необходимость борьбы с международным терроризмом как своеобразным проявлением мирового глобализма сегодня признают многие. В переводе с латинского слово «террор» означает ужас, страх, политику устрашения, подавления политических противников насильственными методами. Но зачастую этим термином квалифицируют и борьбу народов за национальное и социальное освобождение, и экстремистские действия исламистских фундаменталистов, и интервенционистскую политику ведущих западных держав, присвоивших себе функции мирового жандарма. Реальная история современного международного терроризма в целом и отдельных террористических группировок в частности свидетельствует о том, что данное явление порождено глобалистской политикой. Терроризм есть орудие, с помощью которого достигается несколько целей: дискредитация революционного и освободительного движения; борьба со странами, социально-экономическими системами и политическими режимами, мешающими установлению «нового мирового порядка»; проведение с помощью терактов межэлитарных «разборок» в международном масштабе.

Терроризм в его современной форме имеет глубокие социальные корни – это порождение крайней нищеты и безысходного отчаяния угнетенных масс, вынужденных прибегать к крайним формам протеста. В то же время в качестве орудия борьбы трудящихся за социальное и национальное освобождение терроризм давно уже обнаружил свою полную бесперспективность и негодность, о чем свидетельствует, как будет показано ниже, опыт русских народовольцев, партии социалистов-революционеров. Зато этот опыт продемонстрировал его высокую эффективность в прямо противоположном плане: как средство «канализации» социального протеста в нужное русло. И в этом качестве из индивидуального и адресного терроризм превратился в массовый и безадресный, в орудие устрашения и деморализации народных масс олигархами. Сегодня, как и много лет назад, правящая мировая элита чрезвычайно заинтересована в том, чтобы отождествить революционное и национально-освободительное движение с международным терроризмом.

Весьма сомнительным выглядит бытующий сегодня тезис о том, что любому терроризму нет оправдания, любые террористические акты подлежат осуждению, что терроризм – это, дескать, результат мщения некоторых исламских стран западной цивилизации, вырвавшейся вперед в конкурентной борьбе. На наш взгляд, решающий признак терроризма как уголовного преступления – не в проявлении вооруженного насилия, а в его социальном и политическом содержании. И здесь так называемые «двойные стандарты» не то что нежелательны, а, наоборот, крайне необходимы. Конечно, любой здравомыслящий человек против терроризма как уголовного преступления. Но убийство насильника в ситуации необходимой самообороны не есть уголовное преступление. Насилие вообще далеко не всегда признается уголовным преступлением. Сам по себе терроризм есть не более чем одна из форм ведения вооруженной борьбы наряду, например, с войной.

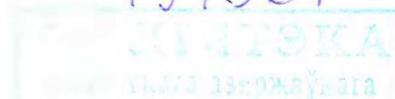
Поборники прогресса не могут зарекаться от применения насилия против социальной реакции, угрожающей существованию человечества. И совершенно недопустимо огульно подводить любое вооруженное выступление за национальное и социальное освобождение под юридическую категорию терроризма, то есть уголовного (политического или военного) преступления. Стоять на точке зрения, не допускающей никаких актов возмездия, – это значит страдать «юридическим кретинизмом» самого примитивного пошиба.

Можно привести характерный пример. В годы Великой Отечественной войны белорусские партизаны, в буквальном смысле слова, терроризировали немецко-фашистских оккупантов. Вызовет ли у кого-нибудь этот факт нравственное отторжение, моральный протест и требование юридического преследования? Ясно, что такое можно ожидать только со стороны крайних лицемеров, намеренно путающих все моральные и правовые понятия, некоторых «свядомых» историков, желающих бросить тень на партизанское движение и реабилитировать всех белорусских коллаборантов, представить их в качестве борцов против «сталинизма». Такого рода террор, когда земля горит под ногами у агрессора, у оккупанта, не противоречит нравственному чувству нормального человека и гражданина.

А если спроецировать аналогичную коллизию на землю Палестины, то получится, что палестинские борцы имеют все основания сражаться с сионистским терроризмом, попирающим права целого народа на свою землю, на свое существование. Приравнивать борцов за национальное освобождение к международным террористам – значит глумиться над истиной и здравым смыслом. Это значит злонамеренно смешивать понятия террора с партизанской войной и диверсиями, признаваемыми международным правом вполне законными методами ведения войны. В то же время так называемые чеченские боевики, ставя задачу создания единого вайнахского государства, преследуют, по сути, расистские цели, стремясь обеспечить себе гегемонию на Кавказе, но под руководством западных «кукловодов», что вполне вписывается в общие замыслы стратегов глобализма.

Подобные указанные тенденции отчетливо проявились в истории терроризма России и Беларуси в 80-х гг. XIX – начале XX в., в период первой российской революции. Как средство политической борьбы терроризм был взят на вооружение «Народной волей», посчитавшей необходимым именно таким способом реагировать на случаи насилия и произвола со стороны царского правительства. При этом речь шла именно об «уничтожении наиболее вредных лиц правительства». Но задолго до появления организаций «Народной воли» в Беларуси уроженец г. Слуцка И. Млодецкий 20 февраля 1880 г. совершил в Петербурге покушение на министра внутренних дел Лорис-

494361



Меликова. Царский сановник не пострадал, а террорист-одиночка был повешен на Семеновском плацу Петербурга.

Возникшая в 1879 г. «Народная воля» поставила своей главной задачей «произвести политический переворот с целью передачи власти народу». Решению этой задачи должна была способствовать террористическая деятельность организации, призванная, во-первых, «давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства»; во-вторых, «подпитать таким образом революционный дух народа»; в-третьих, «формировать к бою силы». При этом «Народная воля» попыталась придать террору все же организованный характер. Для этого наряду с созданием Центральной боевой организации, способной начать восстание, была предпринята попытка создать провинциальную организацию, способную его поддержать [1]. В итоге уроженцем Бобруйского уезда Минской губернии Игнатом Гриневицким 1 марта 1881 г. был убит Александр II. Сам террорист смертельно ранен. Мартовский террористический акт, по замыслу народовольцев, должен был способствовать активизации революционной борьбы. Однако этого не произошло. Тем не менее с 1882 г. народовольческие организации появляются и в Беларуси. Они были зафиксированы в Минске, Несвиже, Гродно, Витебске, Могилеве, Гомеле, Рогачеве, Орше. Виленская группа, объявившая себя «организацией «Народной воли» в Северо-Западном крае», пыталась объединить народовольческие группы, действовавшие в белорусских губерниях. Местные кружки Беларуси к террору не имели прямого отношения. Их уделом оставалась пропаганда народнических идей преимущественно среди молодежи, интеллигенции и рабочих. С 1880 по 1884 г. в разных регионах России было привлечено к дознаниям, связанным с деятельностью «Народной воли», более 120 уроженцев Беларуси [2]. Возникшая в 1884 г. белорусская народническая группа «Гомон», отстаивавшая идею самоопределения белорусской нации, считала основным методом борьбы пропаганду, но допускала возможность политического и экономического террора, в чем сказалось влияние «Народной воли».

В конце XIX – начале XX в. обострились конкурентная борьба между предпринимателями, противоречия между рабочими и предпринимателями, крестьянами и помещиками, в целом – противоречия между властями и широкими массами. Усилился и полицейский произвол. Это способствовало активизации использования радикальных средств борьбы против режима, в том числе террористических. Следует выделить три формы террора, отчетливо проявившиеся на территории Беларуси: *экономический террор, погромы и политические теракты, как правило, против полицейских чинов*. При этом надо подчеркнуть, что прерогатива террористических актов не обязательно принадлежала только революционным организациям. Эти формы использовались некоторыми предпринимателями для собственных «разборок». Например, в Виленской, Минской, Гродненской губерниях в конце 1896 – 1897 г. были зафиксированы случаи, когда забастовавшие рабочие одних предприятий натравливались на работавших рабочих других предприятий [3].

Оппозиционные партии двояко относились к проявлениям экономического террора. Например, IV съезд Бунда (1901 г.), осуждая в принципе проявления насилия рабочих по отношению к хозяевам и штрейкбрехерам, в то же время отметил, что если экономический террор не будет практиковаться, то стачек рабочим не выиграть. И все же съезд вынужден был осудить экономический террор, поскольку подобная форма борьбы, по мнению бундовцев, «затемняет социал-демократическое сознание рабочих, снижает их нравственный уровень и дискредитирует рабочее движение» [4].

Своеобразной разновидностью экономического террора стали погромы, хотя в них присутствовал и явный политический аспект. До 80-х гг. XIX в. погромов в России практически не было. Что касается других стран, то начиная с глубокой древности погромные явления представляли собой фактически своеобразную форму классово-этнической борьбы, главным образом, стихийный протест низов [5]. В истории погромов нельзя сбрасывать со счета их причины, связанные с эксплуатацией еврейской буржуазией коренного населения региона проживания. Причем, нередко стихийная ненависть низов против еврейской буржуазии обрушивалась не только на конкретных виновников, но и на ту часть трудового еврейства, которая не была на стороне богатых. Такие тенденции прослеживались в истории многих стран, в том числе и в России.

Антиеврейские погромы, потрясшие юг России в апреле 1881 г., среди многих причин имели одну весьма серьезную. Экономическое господство еврейства в южных губерниях, достигнутое во многом благодаря кастовой обособленности и солидарности, распространилось не только на торговлю и промыслы, но и привело к концентрации в его руках значительной части земли, что обрекло на земельный голод крестьянство. Эксплуатация преимущественно беднейших классов окружающего населения еврейскими богачами стала невыносимой [6]. Отсюда – резкие проявления социального протеста.

Следует принять во внимание и конкурентную борьбу, существовавшую издавна. Русская буржуазия, местные предприниматели национальных регионов не без зависти смотрели на своих еврейских конкурентов, представлявших собой четко организованную своеобразную торгово-религиозную касту. Поэтому возникало жгучее желание как-то потеснить евреев-торговцев с общероссийского рынка, не стесняясь при этом в выборе средств. Этому способствовала позиция властей, которые зачастую своим бездействием или даже откровенным пособничеством поощряли организацию погромов. Об этом свидетельствуют, например, документы по кишиневскому погрому (апрель 1903 г.), когда накануне трагедии отношения между евреями и попавшими в экономическую кабалу к ним христианами достигли критической точки [7].

Имевшиеся ограничения и погромы, в свою очередь, во многом способствовали втягиванию значительной массы евреев в революционное движение, что обусловило их высокий процент в различных оппозиционных партиях, в том числе и в общероссийских неонароднических. Об этом, например, свидетельствовал состав эсеровских организаций в Беларуси в начале XX в. В то же время еврейская верхушка, позже – сионистские деятели рассчитывали создать собственную агентуру в различных политических, в т. ч. неонароднических, партиях в качестве своеобразного тарана по самодержавию для обеспечения так называемых «еврейских интересов», дальнейшей расчистки царистско-крепостнических пережитков, а также для ускоренной либерализации рыночных отношений. Не случайно, например, Евно Азеф, возглавляя Боевую организацию социалистов-революционеров, одновременно являясь агентом царской охранки, не разделял социалистических идей, а в большей степени придерживался либеральных взглядов. Так, известному народническому публицисту А. Пешехонову Азеф как-то сказал: «Неужели вы верите в социализм? Это нужно, конечно, для молодежи, для рабочих, но не для нас с вами» [8]. Не случайно лидер эсеров В. Чернов называл Азефа «кадетом с террором».

Нельзя не отметить и конкретные провокации со стороны еврейской плутократии, которые зачастую приводили к погромам. Одна из таких провокаций была предпринята в Минске еще в 1897 г., когда еврейские торговцы постарались спровоцировать стычку

с военным патрулем. Однако конфликт был улажен, а виновные привлечены к ответственности [9].

«Неудача» в Минске в полной мере была, к сожалению, компенсирована в Кишиневе на пасхальные дни в апреле 1903 г. Масштабы погрома были бы менее трагичными, если бы не провокационные выходы еврейских боевиков. Но Кишиневом «дело» не ограничилось.

В конце августа – начале сентября 1903 г. произошли трагические столкновения в Гомеле. Сигналом для избиения приехавших в город за покупками белорусских крестьян послужила ссора на базаре между лесником и еврейской торговкой. Еврейская молодежь с криками «Мы отомстим! Это вам не Кишинев! Поехала наша суббота на ваше воскресенье!» набросилась на «обидчика» и его друзей. Некоторые крестьяне получили смертельные удары ножами от еврейских боевиков. Это вызвало негодование христианского населения, в первую очередь железнодорожных рабочих. Произошли стычки, в ходе которых были разгромлены еврейские дома, и, к сожалению, список жертв пополнился. Любопытно, что еще весной 1903 г. некоторые из гомельских обывателей могли наблюдать в пригородной местности целые учения еврейской молодежи, на которые собирались до ста участников, в основном приверженцы Бунда, упражнявшихся в стрельбе из револьверов [10]. Эти так называемые «отряды еврейской самообороны», рекрутированные бундовцами и эсерами, Социалистической еврейской рабочей партией, созданные во многих городах России, использовались, прежде всего, в провокационных целях.

Главные цели провокаций, подобных гомельской или кишиневской, по замыслам сионистов, заключались в следующем: во-первых, ускорить эмиграцию евреев в Палестину; во-вторых, навязать еврейской массе нарабатанный уже тогда стереотип о том, что вне сионизма национальное освобождение евреев невозможно; в-третьих, убедить западную общественность, что Россия – темная, забитая, отсталая страна (у них ведь еще погромы), чтобы оказать на нее давление для укрепления интересов еврейского капитала и создания широкой автономии для всего еврейства.

Явно провокационный характер нес в себе политический террор, взятый в качестве основного тактического средства «Рабочей партией политического освобождения», возникшей в 1899 г. в Минске на базе народовольческих кружков по инициативе Е. Гальперина и Л. Родионовой-Клячко. В создании партии участвовали известные народники – К. Брешко-Брешковская и Г. Гершуни. Цель, провозглашенная партией, – установление нового общественного строя – социализма. В качестве главного средства борьбы провозглашался террор, с помощью которого предполагалось «устранить подвижников царизма, которые непосредственно заинтересованы в поддержании существующего строя...». Расчет делался на то, что «систематически, разумно направляя свои удары, партия устроит и дезорганизует правительство, у которого народ сумеет вырвать принадлежащие ему права» [11]. Эти идеи были сформулированы руководством партии в изданной в Минске брошюре «Свобода».

По замыслу создателей партии, для исполнения террористических действий должен быть создан «боевой отряд» из лиц, готовых пойти на эшафот за свою идею, тогда как «неспособные к оружию» займутся мирной пропагандой социализма в интеллигенции, войсках, народе и рабочей среде. И все же главная роль в революционной борьбе должна была принадлежать «боевому отряду» [12]. Предполагалось, что путем террора партия дезорганизует правительство, добьется сначала либерально-буржуазной, а затем

рабочей конституции. «Боевая роль партии, – подчеркивалось в брошюре «Свобода», – кончается в тот день, когда в России будет провозглашена полная свобода» [13].

В начале 1900 г. минская группа партии насчитывала 60 человек. Партийные группы действовали также в Двинске, Белостоке, Петербурге, Екатеринославле, Житомире, Бердичеве. Минская группа поддерживала связи с единомышленниками в Москве, Киеве, Одессе, Севастополе, Симферополе. В апреле 1900 г. минская группа была разгромлена полицией, значительная часть ее членов арестована. Отдельные группы партии поначалу продолжали свою деятельность, однако вскоре вошли в организации социалистов-революционеров. «Рабочей партии политического освобождения России» не удалось организовать громких террористических актов, но ее наработки, замыслы были использованы эсеровскими деятелями.

Выход на политическую арену партии социалистов-революционеров сопровождался серией террористических актов, которым ее деятели попытались дать теоретическое обоснование. «Террористические акты, – подчеркивал лидер эсеров В. Чернов, – сделались необходимыми в качестве самозащиты, в качестве оружия необходимой самообороны, без которой разгул ничем не сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы и становится нестерпимым». В то же время лидер эсеров рассматривал террор в качестве одного из технических приемов борьбы партии, который должен лишь «дополнить и усилить массовую борьбу» [14].

Однако эсеровский террор приобретал своеобразную окраску, неся в себе явно провокационный характер. Большой резонанс в российском обществе получили убийства трех министров: просвещения – Н. Боголепова (1901 г.), внутренних дел – Д. Сипягина (1902 г.) и В. Плеве (1904 г.). Все три террориста – П. Карпович, С. Балмашев и Е. Сазонов находились в тесных отношениях с еврейскими террористами. В подготовке покушения на В. Плеве Е. Сазонову помогали Семен (Шмаль) Сикорский, еврей из местечка Кишин Гродненской губернии, а также помощник присяжного поверенного из г. Киева Николай Бронштейн. Е. Сазонов, выступая на суде, так объяснил мотивы, побудившие его пойти на убийство В. Плеве: «Мсть за погромы в Кишиневе, Златоусте и Вильно» [15].

Версия причин убийства В. Плеве, на которого тогдашние публицисты возложили ответственность за кишиневский погром, представив как мсть за его антисемитизм, получила широкое хождение еще в дореволюционной прессе оппозиционного толка. Эта версия привлекает внимание и современных исследователей. Л. Прайсман, подчеркивая роль Азефа в организации убийства В. Плеве, также считает, что для руководителя боевой организации эсеров главным мотивом теракта был антисемитизм министра. Даже по свидетельству некоторых полицейских чинов Азеф будто бы трясся от ярости и с ненавистью говорил о Плеве, которого он считал главным виновником. Вторая жертва Азефа, великий князь Сергей Александрович, был также выставлен в качестве пугала антисемитизма, как и Плеве [16].

Между тем существует другая точка зрения и по поводу роли В. Плеве в организации кишиневского погрома, и в отношении мотивов последовавшего за этим его убийства. Писатель А. Солженицын на большом документальном материале доказал провокационный характер кишиневского погрома. Например, пресловутый текст «телеграммы» Плеве губернатору Бессарабии, гласящий будто бы о том, что в случае погрома не следует пытаться сдерживать его силой оружия, был, как выясняется, подложным. Кто-то неизвестный передал текст «телеграммы» английскому корреспонденту в Петербурге Д. Брэму, а тот напечатал его в английском «Таймс» 18 мая 1903 г. Не ис-

ключено, что недоброжелатели министра были и в высших эшелонах российской власти. Лжеистория кишиневского погрома стала громче его подлинной истории, констатирует писатель [17].

Но были еще обстоятельства, которые проливают свет на причины убийства В. Плеве. Дело в том, что в августе 1903 г. (уже после кишиневского погрома) лидер Всемирной сионистской организации Т. Герцль начал переговоры с министром финансов графом С. Витте и министром внутренних дел В. Плеве. Во время этих переговоров Герцль сформулировал следующую программу: 1) российское правительство будет официально добиваться от турецкого султана хартии, дающей сионистам право на заселение и колонизацию Палестины; 2) оно окажет еврейским эмигрантам экономическую поддержку, используя при этом помощь и фонды чисто еврейского происхождения; 3) оно будет содействовать деятельности российских организаций, которые со своей стороны обязались придерживаться «лояльности» в отношении российского правительства. При этом Т. Герцль заявил: «Все, что потеряет сионизм, выиграют революционеры», явно выражая готовность сионистских организаций оказывать всяческое содействие борьбе царизма против назревавшей в России революции [18]. Есть свидетельства о том, что Герцль и сионисты готовы были «содействовать виду русских империалистов на Дарданеллы» [19].

В. Плеве согласился на все эти предложения, возражая только против «национальной автономии» российских евреев. Он заявил: «Если сионизм хочет переселить часть евреев из России в Палестину, то мы отнесемся к этому положительно и готовы вам (т.е. сионистам) оказать дипломатическую поддержку в Константинополе. Но мы решительно воспротивимся всяким попыткам сионистов создать автономную нацию в России» [20]. Видимо, последние «злополучные» слова В. Плеве окончательно определили его судьбу – руководимая Е. Азефом Боевая организация эсеров руками Е. Сазонова и «компании» привела приговор в исполнение. Не помогло В. Плеве его распоряжение после встречи с Т. Герцлем не преследовать сионистов в России [21].

Бросается в глаза одна любопытная тенденция: эсеровский террор в первую очередь осуществлялся против тех царских сановников, которые «осмеливались» ставить вопрос о «еврейской эксплуатации России». Террор революционных эсеровских романтиков не прочь были использовать в своих целях сионистские деятели.

Но была еще одна сторона эсеровского террора. Некоторые деятели с помощью провокаторов, типа Азефа, надеялись осуществить своеобразную «прополку» эсеровских функционеров – убрать «неудобных» и обеспечить проникновение в партийную верхушку тех, кто близко к сердцу воспринимал «особые» интересы еврейских общин. В руководстве партии эсеров перебивало немало деятелей, отдававших симпатии еврейскому движению (сначала М. Гоц, Х. Житловский, Г. Гершуни, позже А. Гоц, О. Минор, И. Рубанович, М. Вишняк и др.). Видимо, не случайно один из организаторов «Заграничного Союза социалистов-революционеров», впоследствии лидер Социалистической еврейской рабочей партии Х. Житловский рекомендовал еще в 1899 г. Е. Азефа организаторам «Северного Союза социалистов-революционеров» [22]. Не случайным, по всей видимости, было присутствие Е. Азефа в 1898 г. на Втором сионистском конгрессе в Базеле [23], как не случайным было использование им сионистов для переправки революционной литературы в Россию [24].

Когда в партии эсеров разразился скандал, вызванный разоблачением тайных связей Азефа с охранкой, определенная часть эсеровских деятелей, в первую очередь симпатизировавших «особым» интересам еврейства, попыталась взять провокатора под

защиту и отвести от него обвинения. Сионистская газета «Рассвет» усиленно распространяла «мнение некоторых парижских товарищей» Азефа о том, что служба в полиции была у него до самого последнего времени якобы «средством для подготовки весьма грандиозного революционного предприятия, которому помешали последние разоблачения» [25].

Подобные тенденции были меньше характерны для деятельности местных эсеровских организаций в Беларуси. Однако входившие в их состав представители еврейской молодежи зачастую невольно вносили в революционное движение печать еврейского национального самосознания. Это сказалось на деятельности местных боевых дружин, летучих боевых отрядов. Боевой отряд, возглавляемый Ф. Фрумкиной, при Минской организации партии эсеров, например, готовил в 1902 г. покушение на жандармского полковника Васильева. Однако особой активности в 1902–1904 гг. в Беларуси боевые дружины не проявляли [26].

Начавшаяся первая российская революция была полна террористическими актами, разумеется, далеко выходящими за рамки мести и протеста еврейских «угнетенных». И все же «еврейский вопрос» тут занимал далеко не последнее место. Убийство великого князя Сергея Александровича в феврале 1905 г. послужило своеобразным сигналом для терактов по всей стране, в т. ч. и в Беларуси. Даже Белорусская социалистическая громада в своей листовке оправдывала убийство великого князя эсерами, возлагая на него ответственность за то, что «бесправное положение евреев стало еще более бесправным» [27].

Однако нерешенность «еврейского вопроса» не была главной причиной террористических актов в Беларуси. Основной мотив террористической деятельности боевых отрядов, отдельных групп и отчаянных одиночек коренился в возмущении социальных низов существовавшим полицейским произволом, отсутствием политических свобод и социальной справедливости. Боевые дружины Витебской, Минской, Гомельской, Борисовской, Бобруйской, Виленской, Пинской, Ветковской эсеровских организаций совершили ряд террористических актов. В марте 1905 г., например, боевая группа эсеров в Ветке убила «предателя». В апреле в Двинске ранен пристав Курляндский, а в сентябре убит помощник пристава Овсянка. В Гомеле совершены покушения на жандармского ротмистра Шебеко, исправника Еленского. Эсеры покушались на жизнь полицейских чинов в Речице и Рогачеве [28].

Так называемый «Курловский расстрел» демонстрации в Минске 18 октября 1905 г., жертвами которого стали около ста человек, вызвал возмущение по всей Беларуси. Эсеры были полны решимости отомстить за гибель минских товарищей. 14 января 1906 г. во время похорон генерала Курога эсеры И. Пулихов и А. Измайлович предприняли покушение на минского губернатора Курлова и полицмейстера Норова. Пулихов бросил бомбу, которая не взорвалась. Выстрелы А. Измайлович тоже не достигли цели. Террористов задержали. Военный суд вынес Пулихову, Измайлович и Оксенкругу смертные приговоры. 25 марта 1906 г. И. Пулихов был повешен в минской тюрьме, смертная казнь А. Измайлович была заменена бессрочной каторгой, а Оксенкругу – 15 годами каторги. Позднее приговор в отношении Измайлович был смягчен, она осуждена на 20 лет каторги.

Эсеровская террористическая акция в Минске имела громкий общественный резонанс. В марте 1906 г. в городе состоялась манифестация, посвященная памяти казненного И. Пулихова, за участие в которой из Минской гимназии было исключено 16 учеников [29].

Террористические акты были направлены на то, чтобы не только активизировать всю революционную борьбу, но и привлечь внимание общественности к требованиям эсеров, добиться уступок со стороны правительства. «Мы требуем отобрания земли у помещиков и казны и отдачи ее сельским обществам с тем, чтобы каждый желающий мог работать на ней, не платя непосильных налогов и аренды, – говорилось в воззвании Виленской группы Северо-Западного комитета с.-р. – Мы требуем уничтожения теперешнего государственного устройства с полицией и войском и замены его федеративным свободным союзом народов, городов и сел для управления общими делами без царя и министров, а при помощи свободных народных представителей» [30].

В Беларуси наблюдались попытки «явочным порядком» ввести «народовластие» в отдельных городах. Например, широкую огласку получили октябрьские события 1905 г. в г. Мозыре. С 17 по 23 октября здесь проходила всеобщая политическая забастовка. Объединенный комитет социал-демократов и социалистов-революционеров 17 октября на митинге объявил о начале забастовки и переходе власти в свои руки. Некто Гамша Кутиков был объявлен «начальником города». Вооруженные отряды объединенной боевой дружины, возглавляемые Ш. Зингерманом, И. Перцовским, Х. Дубовским, М. Бегуном, патрулировали город, требуя закрытия предприятий, магазинов. Еще раньше, 10 октября, была предпринята попытка освободить политических заключенных из тюрьмы. Во время волнений в мозырской тюрьме охрана убила политзаключенного Когана, обвиняемого в убийстве околоточного Новицкого, некоторые заключенные были ранены. Кроме того, 8 человек были тяжело ранены в городе при разгоне демонстрации. Вскоре последовали аресты членов объединенного комитета (Кутикова, Бегуна, Горелика, Дубовского, Зингермана, Меланига, Федовского). Все они в марте 1908 г. осуждены на разные сроки выездной сессией Виленской судебной палаты по делу так называемой «Мозырской республики» [31].

Зачастую некоторые террористические акты использовались для откровенных грабежей, так называемых «экспроприаций». Например, по информации помощника Могилевского жандармского управления от 30 сентября 1905 г. в местечке Ветка Гомельского уезда двое революционеров (члены местной группы с.-р.) ходили по квартирам наиболее богатых купцов и требовали значительные суммы «на пожертвование» (3 тыс. рублей). Если звучал отказ, то эсеровские «рэкетеры» грозили убийствами. Действительно, как-то ночью раздались выстрелы по домам купцов Заворотного и Амитина. Предприниматели вынуждены были выложить вымогателям деньги из боязни угроз [32]. Подобные факты были отмечены в других городах Беларуси.

Таким образом, террор в Беларуси в 80-е гг. XIX – начале XX в., как и по всей России, в качестве средства революционной борьбы продемонстрировал свою несостоятельность. Террористические акты как жесты отчаяния против нищеты и царского произвола не принесли желаемого освобождения от царизма в начале XX в., даже не способствовали либерализации существовавшего режима. Более того, терроризм оппозиции в определенной степени был выгоден правящей элите. Используя эсеровские теракты в качестве своеобразного пугала для обывателя, царские власти усиливали репрессии против всех революционных и оппозиционных сил. Вместе с тем террористические порывы революционных эсеровских романтиков, готовых идти на самопожертвование во имя демократии и свободы, цинично использовались властями для межклановых «разборок», а также различными группировками, решавшими свои корыстные цели и намерения. И эта провокационная сторона терроризма оказалась весьма живучей в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. документов и материалов. Т. 2. М.–Л.: Наука, 1965. С. 173, 176–177.
2. Лосинский И.Б. Революционно-народническое движение в Белоруссии. 1870–1884 гг. Минск: Наука и техника, 1983. С. 122, 128, 136.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 60. Оп. 3. Д. 90. Л. 144.
4. НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 17. Л. 4.
5. Лурье С. Антисемитизм в древнем мире, попытки объяснения его в науке и его причины. Пг., 1922.
6. Гессен Ю. Закон и жизнь. Как создавались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб., 1911. С. 153–154; Гессен Ю. История еврейского народа в России. Т. 2. Л., 1927. С. 219–220.
7. Подробнее см.: Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. 2. М., 1927. С. 135–137, 142–144.
8. Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 74.
9. Подробнее см.: Минский процесс. Дело о сопротивлении еврейских скопищ военным патрулям. М., 1899.
10. Гомельский процесс. Подробный отчет составлен Б.А. Кревером по протоколам защитников и отчетам. СПб., 1907. С. 7–14, 61.
11. Спиридович А.И. Революционное движение в России. Вып. 2. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., С. 59.
12. Там же. С. 60–61; НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 90. Л. 188.
13. Спиридович А.И. Указ. соч. С. 59.
14. Чернов В. Террористический элемент в нашей программе // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Изд. второе. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 196.
15. Убийство трех министров. Б.М., 1906. С. 34–35, 46–47.
16. Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 69.
17. Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Часть I. М.: Русский путь, 2001. С. 335–336.
18. Моджорян Л.А. Международный сионизм на службе империалистической реакции. Правовой аспект. М.: Международные отношения, 1984. С. 35.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 445. Оп. 1. Д. 15. Л. 33–34.
20. Моджорян Л.А. Указ. соч. С. 35.
21. РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.
22. Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг.: Книга, 1918. С. 230.
23. Воля России. 1927. VIII–IX. С. 63.
24. Агафонов В.К. Указ. соч. С. 236.
25. Рассвет. 1909. 22 февраля. С. 14.
26. Бригадин П.И. Эсеры Беларуси (конец XIX в.–февраль 1917). Минск: Згода, 1994. С. 49.
27. Сацыялістычны рух на Беларусі ў пракламацыях 1905 года. Менск, 1927. С. 156.
28. Бригадин П.И. Указ. соч. С. 94.
29. Там же.

30. НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 91. Л. 122.
 31. Бригадин П.И. Указ соч. С. 90.
 32. Политические партии и политическая полиция. Документальное исследование в трех частях. Гомель, 1996. С. 291.

УДК 947. 6

С.Е. Рассадин, профессор

ИМЕНОСЛОВ IV – VI ВВ. Н. Э. КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГЕНЕЗУ СЛАВЯН

Earliest of known personal names of the slavs are borrowed by them for germans and hunns, and it testifies to linhs wiht the givenpeoples.

Личное имя довольно часто указывает на этнос его носителя, и это свойство используется уже издавна, правда, не всегда удачно. Так, П. Шафарик считал Юстиниана I славянином, который «...в своей стране назывался Управда или Вправда (‘Oυπράυδα), что во всем соответствует его латинскому имени, потому что jus, justitia по-древнеславянски правда...» [1]. На имена Юстиниановой родни, Iztok (Исток), Βυλένιςα (Бегленица), Λουπλκίνη (Любкыня), его отца, матери и тётки соответственно, ссылались также не только А. Гильфердинг и К. Иречек, но и Н.С. Державин [2]. Последний, наверное, спекулятивно. Он, конечно, читал «Лекции» русского византиниста А.А. Васильева. А там специально подчёркнуто: все эти якобы славянские имена позаимствованы из рукописи, приписанной Юстинианову современнику, а на самом деле сфабрикованной в XVII в. [3]. Но подлинность «Истории» Аммиана Марцеллина, а следовательно, и упоминаемого в ней имени гуннского хана Валамира (Valamir) сомнению, конечно, не подлежит (Amm. Marc., XXXI: 3, 3): Это имя И.Е. Забелин восстанавливал как «Волимир», «Велимир» или даже «Владимир». «Уннский именовослов, считал он, стоит в непосредственной связи со славянским...» [4]. Разделяя это целиком, Д.И. Иловайский сетовал, однако, что «для распознавания славянских и неславянских имён слависты пока не выработали никакого критерия» [5].

Какой-то критерий спустя столетие всё же был сформулирован, когда предложено было учитывать, что в источниках «фигурируют люди, которые, с одной стороны, причисляют себя к народу славян, а с другой – носят имена, достаточно убедительно этимологизируемые из славянского». Например, Пирагост и Дабрагез [6]. Δαδραγέζας, из Агафия (Agath., III: 6, 9), транскрибировалось ещё как «Дабрагез» [7], «Доброгаст» [8], но чаще – «Доброгост» [9]. Экзотическим выглядит мнение З. Штибера, согласно которому Δαδραγέζας «в современной польской фонетике» (?) было бы Dobrojazda [10]. Но подобная транскрипция признания не получила, в том числе и в польской славистике [11]. Считается также сомнительным, чтобы греческое -γέζας было записью славянского -gostь [12]; условность соответствия Δαδρα- и Добро- тоже, впрочем, очевидна. Со славянской атрибуцией этого имени конкурирует германская, по М. Фасмеру: ‘Dapra- («крепкий») + ‘gaiza («копье»). Основа -gast, в отличие от похожей славянской -gost, также считается германской [13]. Однако и ‘Гостунь в «Именнике болгарским ханам» [14], и ‘Γαστης в одной боспорской надписи [15] одинаково считаются именами иранского происхождения. Оно же, получается, не исключено и для другого имени, в котором основа -gast тоже присутствует: Πετρογύλατος (Theofylakt., VII: 5, 4). Это имя, впрочем, сближается также с кельтскими, «где компонент -gast и его различные варианты означали «благородный», «достойный» и т. д.» [16]. Правда, источник, на котором